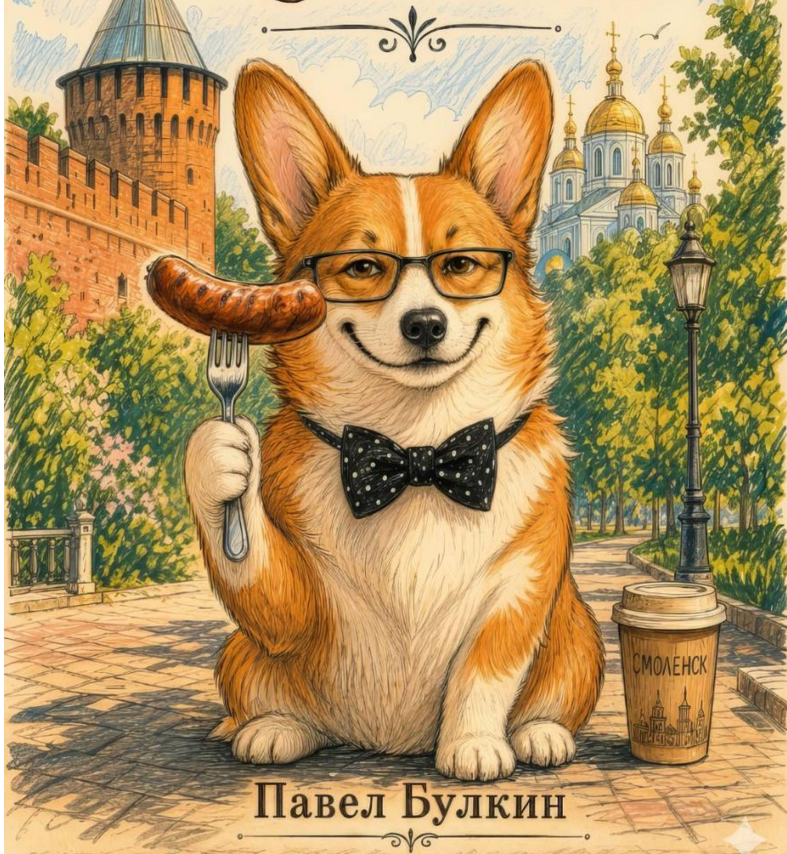

Добро пожаловать в Смоленск

Павел Булкин

Павел Булкин

Добро пожаловать в Смоленск

<https://litres.ru/74063244>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть города, которые осматривают. А есть города, которые нужно пройти насквозь — ногами, памятью, любопытством.

Смоленск стоит на древней дороге между Востоком и Западом. Здесь крепостная стена соседствует с кофейным ларьком, старые бастионы становятся садами, а тысячелетняя история продолжается среди трамваев, летней жары и повседневной суеты.

Это тёплый и ироничный рассказ о городе, который не прячет прошлое за музейным стеклом, а живёт внутри него. О дороге и доме, памяти и настоящем, красоте и умении её замечать. И о том, что один и тот же город каждый читает по-своему.

Павел Булкин

Добро пожаловать в Смоленск

В июле Смоленск нагревается так, как нагревается старый камень: не сразу и надолго. К полудню асфальт на перекрёстке двух улиц отдаёт жаром в подошвы, и кажется, что город дышит снизу вверх — от мостовой к липам, от лип к проводам, от проводов к небу, белёсому и плоскому, как стирания простыня.

На трамвайной остановке пахло разогретой пылью и чем-то сладким — то ли разлитой газировкой, то ли липовым цветом, который в эти дни лежал на всём тонким душным слоем. Подошёл трамвай, древний и достойный, как ветеран, переживший несколько эпох и одну реформу шрифтов на табличках. Он звякнул, прощаясь сам с собой, выпустил горячий воздух и трёх пенсионерок с тележками и поехал дальше — вниз, к Днепру.

И в этом ничего удивительного нет. Смоленск стоит на Днепре, как старый перевозчик стоит на берегу — спиной к лесам, лицом к воде. Река здесь ещё молодая, неширокая, не та грузная судоходная лента, какой она станет южнее; здесь она почти ручей с амбициями, но именно отсюда потечёт через половину Восточной Европы — мимо Киева, к морю. И

весь город построен так, будто помнит об этом: он стекает к воде улицами, дворами, лестницами, всё время идёт под уклон, к реке, как идёт под уклон любой разговор о Смоленске — рано или поздно к Днепру, к дороге, к тому, что город всю свою тысячу лет простоял на чьём-то пути.

Мария стояла у кофейного ларька — маленького, с откидным окошком и наклейкой «оплата картой и совестью» — и ждала свой американо. Совесть в данном случае была фигурой речи, но Мария относилась к ней серьёзнее, чем большинство.

Рядом сидел корги. Рыжий, с белой грудью, с ушами как два внимательных локатора, он сидел так ровно и так значительно, будто не он ждал кофе, а кофе ждал его. Звали его Булка. Имя дала Мария — за форму, за цвет, за то, что он, как и булка, был тёплый, продолговатый и вызывал у людей необъяснимое желание поделиться едой. Сам пёс считал имя несерьёзным и в глубине души предпочитал думать о себе как о директоре по развитию. Город он видел не как город. Он видел его как карту.

На этой карте улицы были логистическими коридорами, кафе — точками конверсии, прохожие с пакетами из булочной — потенциальными лидами, а памятники — досадными пустотами, где ничего не падало на землю и никто ничего не ронял.

Мария взяла стакан, обожгла пальцы, переложила его в

другую руку и сделала первый глоток — горький, спасительный.

И в этот момент Булка её толкнул.

Толкнул носом в щиколотку, едва заметно, как толкает партнёра по покеру тот, кто увидел в дверях нужного человека. Мария проследила за его взглядом.

Стояли двое. Мужчина и женщина, оба светлые, оба в панاماх, оба с тем особым выражением лица, которое бывает у людей, заблудившихся не катастрофически, но обидно. Он держал телефон горизонтально и хмурился на карту. Она держала бутылку воды и смотрела на него так, будто карта была его личной ответственностью. На рюкзаке у мужчины висел брелок в виде Бранденбургских ворот, и это, в общем, всё объясняло.

Мария опустила взгляд в стакан и почти не шевельнула губами:

— Нет. Даже не думай.

Булка смотрел на неё снизу вверх. Когда туристы отвернулись, он заговорил негромко, ровно, как говорят люди, для которых утро уже расписано:

— Немцы. Уставшие. Голодные, но ещё не признались себе. Это идеальный профиль. Они дойдут куда угодно, если по дороге будет тень и мясо.

Мария покосилась на туристов, потом на Булку:

— Я не гид.

— Тебе и не надо быть гидом. Тебе надо практиковать

английский. Ты сама жаловалась, что забываешь слова.

Мария сделала ещё глоток. Жара плавилa её сопротивление, как плавилa всё остальное. И ведь правда — английский она знала на том уровне, когда понимаешь почти всё, а говоришь так, будто строишь дом из кубиков с чужими буквами. И ведь правда — город она любила. Любила глупо, преданно, по-домашнему, и ей всегда было немного больно, когда приезжие уезжали, не увидев в Смоленске ничего, кроме вокзала, стены на открытке и пробки на въезде.

Она задержала стакан у губ и прищурилась:

— Только без твоих этих маршрутов.

Булка изобразил невинность — для корги это всегда особенно убедительно:

— Каких маршрутов?

— По едальням.

Он сел ровнее, будто давал показания комиссии:

— Я просто иду рядом. Я собака. Я не строю маршруты. Я следую за людьми и принимаю то, что предлагает судьба.

Судьба в его исполнении была на удивление пунктуальной и всегда знала, где обед.

Туристы тем временем сдались карте, и мужчина поднял голову, оглядывая улицу с надеждой человека, готового спросить дорогу даже у трамвая. Взгляд его прошёлся по ларьку, по Марии, по рыжему корги — и на корги задержался, потому что Булка умел в нужный момент склонить голову набок так, что у людей теплело в груди.

Мария вздохнула. Допила половину американо одним долгим глотком, как допивают перед прыжком в холодную воду.

— Ладно. Но я веду. Не ты.

Булка поднялся, отряхнулся и сделал вид, что это даже не обсуждается:

— Конечно, ты ведёшь. Я только подсказываю повороты.

Она подошла не сразу — сначала сделала вид, что тоже смотрит по сторонам, чтобы это выглядело как случайность, а не как спланированная операция, которой, строго говоря, оно и не было — спланировал её корги. Потом повернулась к туристам и рискнула фразой, которую репетировала про себя последние десять секунд:

— Hello. Are you tourists?

Мужчина обрадовался так, будто она протянула ему стакан воды в пустыне.

— Yes! Yes, we are. Sorry, do you speak English?

Мария показала пальцами «чуть-чуть», хотя «чуть-чуть» было скромным:

— A little. Welcome to Smolensk.

— Thank you! I'm Jonas, and this is Helen. We are from Germany.

Мария кивнула на брелок:

— I know. Brandenburg.

Йонас рассмеялся, Хелен тоже, и сразу стало легче — так

бывает, когда первый смех снимает с разговора всю официальность, как снимают тесную обувь.

Она приложила руку к груди — Мария давно заметила, что иностранцы запоминают имя лучше, если к нему прилагается жест.

— I am Maria.

— We are a bit lost, — призналась Хелен. — The map says one thing, the streets say another.

Мария повела плечом, будто это было свойство не карты, а самого города:

— The streets always say something else. This city is very old. Older than your hotel Wi-Fi, I think.

Они опять засмеялись, и Булка, сидевший чуть в стороне с видом независимого консультанта, мысленно отметил: смех — хороший признак. Смеющиеся люди тратят на еду на сорок процентов больше. Он не знал, откуда у него эта цифра, но был в ней уверен, как бывают уверены только директора по развитию в цифрах, которые им нравятся.

Мария решила и чуть наклонилась к ним, понижая голос до заговорщического:

— Do you want to see the city? The real city. Not just the postcard version.

Йонас поспешно поднял ладонь, будто уже боялся быть слишком навязчивым:

— We would love that. But we don't want to bother you—

Мария отмахнулась свободной рукой:

— No problem. I walk anyway, and so does my dog. We can just walk, and I'll talk. Bad English, good city.

И тут она сделала то, что Булка в своих внутренних отчётах назвал «преждевременной презентацией продукта». Она вдохновилась. Глаза у неё загорелись, и она, желая сразу показать, что Смоленск — это не скучно, выпалила:

— Smolensk is a very wild place. There are big forests around the city. There are wild boars in the forests. Big pigs with bad tempers. Very angry. And we eat them.

Хелен моргнула.

— You... eat the angry pigs?

Мария выдержала паузу и ответила с достоинством:

— Sometimes. Revenge.

Булка закрыл глаза. Когда туристы наклонились погладить его — а они наклонились, потому что он специально подставил бок, — он перешёл на русский вполголоса, под прикрытием их умилённого сюсюканья:

— Ты продаёшь не то. Кабаны — это в конце воронки. Сначала тень, история, лёгкое доверие. Потом мясо. Ты сразу с мяса начала. Это как предлагать руку и сердце на основе.

Мария улыбалась туристам, а Булке ответила почти одними губами:

— Я волнуюсь.

Булка едва заметно дёрнул ухом:

— Я вижу. Дыши. Скажи им про реку. Река — это бес-

платно и красиво. Река создаёт лояльность.

Мария выпрямилась и махнула в сторону спуска.

— Smolensk is on the Dnieper River. It is a very famous river. Here it is small. But it goes... — она показала рукой плавную линию, — ...down. Far. To Kyiv, and then to the sea. It is a long way. The city sits by the river, and the river is like a road. Everybody has passed through here. Everybody.

Йонас принял это с внезапной серьёзностью:

— Like life.

Хелен тем временем сфотографировала табличку с названием улицы, потому что турист фотографирует таблички, чтобы потом дома не вспомнить, что на них было написано.

И в этом «everybody has passed through here» было больше правды, чем умещалось в три английских слова. Днепр для Смоленска — не пейзаж, а биография. По этой реке и по сухопутным дорогам, что сходились к ней с запада на восток, веками шли все: варяги к грекам, купцы с воском и мехами, послы, паломники, армии. Смоленск стоял ровно посередине этого движения — там, где Восток встречается с Западом, и встреча эта далеко не всегда была мирной. Город на большой дороге не выбирает гостей. Он встречает всех, кто идёт мимо, — и за тысячу лет научился встречать так, чтобы его запомнили.

Мария почувствовала, что разговор пошёл, и заговорила бодрее:

— So, shall we go? I'll show you the old town. Towers, wall,

cathedral. And, — она запнулась, посмотрела на Булку, который смотрел на неё с выражением «ну же», — and maybe coffee. And maybe a little food. Do you like meat?

— We are quite hungry, actually, — призналась Хелен.

Мария слишком быстро обрадовалась и тут же постаралась сделать лицо спокойнее:

— Perfect. There is a good grill place near here. Very close. Pure coincidence.

Булка удовлетворённо вздохнул. «Pure coincidence» он считал самой честной ложью в их репертуаре.

Небольшой гриль-бар стоял в стороне от пешеходной улицы. У него был тёмный фасад, стеклянная веранда и тот узнаваемый дымный запах, который выходит на улицу через вентиляцию и работает лучше любой рекламы — он берёт прохожего за воротник и тащит внутрь, минуя разум.

Внутри было прохладнее на те спасительные пять градусов, что превращают июль из испытания в удовольствие. Деревянные столы, чёрный металл.

Мария подвела немцев к столику у окна и показала на светлое пятно на столешнице:

— Sit down, sit down. This is the best table. Good light for photos.

Хозяин — крупный мужчина с татуировкой якоря на предплечье и фартуком, на котором было написано «шеф, но это не точно», — вышел из-за стойки, увидел компанию,

увидел туристов, и тут лицо его сделало то, ради чего, собственно, и затевалась вся партнёрская сеть Булки. Оно сделало радость. Не вежливую радость хозяина к гостям, а личную, тёплую, узнавающую радость.

Хозяин расплылся в улыбке:

— О. Здорово, рыжий.

Булка прошёл к стойке деловой рысью существа, у которого здесь назначено. Он не вилял хвостом унизительно. Он вилял хвостом как человек, который кивает швейцару: сдержанно, по-партнёрски.

Хозяин нагнулся, что-то достал из-под стойки — кусок мяса, обрезок с разделочной доски, тёплый, жирный, идеальный — и протянул вниз. Булка принял подношение с достоинством инвестора, получившего ожидаемые дивиденды. Сжевал. Посмотрел на хозяина так, что тот засмеялся и потрепал его за ухом.

Немцы наблюдали за этим с лёгким удивлением.

Йонас наклонился к Марии, всё ещё следя за церемонией подношения:

— Does your dog know the owner?

Мария выдала первую отмазку, и прозвучала она почти безупречно — как первая ложь в долгой череде, которой ещё предстояло разрастись.

— The owner loves dogs. He is a real dog person. He has a big heart.

Хелен умилённо улыбнулась:

— That's sweet.

Мария кивнула с тем видом, с каким кивают люди, уже понимающие, что зашли слишком далеко:

— Yes. Sweet.

Пока ждали, Хелен фотографировала интерьер, а Йонас рассматривал меню — бургеры, пиво, сладкое. Булка, воспользовавшись тем, что оба смотрят не на него, подошёл к стулу Марии и тихо заметил:

— Видишь, как пошло? Они расслабились. Теперь они тебе верят. Человек, который поел, верит почти во что угодно. После белка даже история заходит легче.

— Ты циник, — прошептала Мария.

Булка не моргнул:

— Я реалист с хвостом. Сначала ты их накормила, потом они полюбят твою стену. Не наоборот.

— Стена и без обеда прекрасна.

— Стена прекрасна, — согласился Булка неожиданно. — Но прекрасное лучше усваивается на сытый желудок. Это не цинизм. Это физиология. Спроси любого экскурсовода, почему обзорные экскурсии заканчиваются в ресторане, а не наоборот.

Принесли рёбра. Запах поднялся над столом, и Йонас выдохнул то самое «оооо», которое одинаково звучит на всех языках. Мария смотрела, как немцы едят, и чувствовала странную смесь — стыд оттого, что первая точка маршрута оказалась едальней, и тихую радость оттого, что им хорошо.

Город ведь не только про камень. Город — это и вот этот дым, и этот хозяин с якорем, и эта прохлада, и эти люди у окна, которым внезапно стало уютно в чужом месте. Так и складывается любовь к городу — не с экскурсии, а с минуты, когда тебе в нём стало хорошо без причины.

Мария осторожно поймала взгляд Йонаса:

— Good?

Йонас поднял большой палец, не переставая жевать:

— Amazing. The best decision today.

«Первая конверсия закрыта», — подумал Булка и лёг под стол, в тень, на прохладный пол, переваривая дивиденды и планируя следующую точку. Маршрут разворачивался у него в голове как лента трамвая: вперёд по улице, к башне, потом вдоль стены, потом сад, потом ещё сад, потом река. Между точками — культура. Культуру он терпел как неизбежные перегоны между остановками. Главное, чтобы остановки были правильные.

Из прохлады они вышли в два часа дня, в самый зной, и улица встретила их как печь встречает противень. Пешеходная зона, ленись и щурясь, вела от современного города — с его кофе, грилем, вывесками и кондиционерами — туда, где начиналась другая порода времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.